

Во всяком случае, он мог временно уклониться таким образом от уплаты налогов¹³. Третья и последняя возможность заключалась в том, что он временно или навсегда на чужбине или даже в собственной деревне брался за наемный труд. Тем самым он достигал на социальной шкале самой низшей ступени, а фактически переходил из категории γεωργοί в категорию μισθωτοί (хотя граница между ними была еще расплывчатой).

В шести статьях «Земледельческого закона» (§ 22, 25, 33, 34, 36, 62) речь определенно идет о плате: один раз в связи с обозначением γεωργός (§ 22), один раз в связи с термином μισθωτός (§ 34) и по одному разу в связи с названием профессии ἀγέλαριος (§ 25), ποιμήν (§ 34), ὄπωροφόλαξ (§ 33). Таким образом, наиболее предпочтительной работой за плату был труд пастуха и сторожа фруктового сада; для этого требовались простые орудия труда и малоквалифицированная рабочая сила¹⁴. Так что во всех аналогичных случаях следует иметь в виду μισθωτοί, даже если это не выражено прямо. Но, как показывают статьи о краже орудий труда (§ 22, 62), за плату выполняются также и более квалифицированные или более трудные работы, как, например, расчистка поля под пашню, рытье канав, вспашка, косьба, подрезание виноградных лоз. Только при упоминании этих работ речь определенно идет о ежедневной плате в 12 φάλλεις, только в связи с такими работами ясно говорится о γεωργός, получающем плату (§ 22), но отдавшем, по крайней мере частично, свою землю в ἤμισια — в противном случае он едва ли был бы в состоянии взять на себя дополнительную работу. Характерно, что γεωργός, работающий за плату, был настолько плохо обеспечен хозяйственно, что кража инструментов вообще и особенно тогда, когда они более всего нужны (кража лопат и мотыг во время вскапывания поля, серпов или кос в период жатвы, виноградных ножей во время сбора винограда, топоров в период корчевки), была обычным явлением, иначе соответствующее наложение штрафа в § 22¹⁵ было бы ненужным. Эти μισθωτοί были наверняка когда-то полноправными γεωργοί деревни и остались таковыми с некоторым ограничением, в то время как о ἀγέλαριοι скорее можно думать как о чужаках, которые в деревне исполняли обязанности только μισθωτοί, а не γεωργοί.

То, что пастухи и полевые сторожа среди μισθωτοί стояли в деревне действительно на последнем месте, за исключением рабов, которые, впрочем, привлекались к подобным работам¹⁶, становится ясным уже из перечня телесных наказаний¹⁷, которые применялись к ним (см. выше). О их социальном положении можно также узнать по роду их проступков. За исключением нерадивости, это были чаще всего преступления против собственности из нужды: кража скота (§ 36), молока (через пастуха — § 34), фруктов и продуктов полеводства (через полевого сторожа)¹⁸.

¹³ О снижении налога при его возможном возвращении, как это известно от более позднего времени (см.: Ashburner W. Op. cit., II, § 14, а также § 12, 13), «Земледельческий закон» ничего не говорит.

¹⁴ К таким работам, безусловно, привлекались члены семей бедных крестьян, которые еще по своей молодости или уже по старости больше не могли выполнять слишком тяжелые и сложные работы в поле, лесу и саду.

¹⁵ § 36: Тот, кто увел вола, осла или другое животное, наказывается штрафом в двойном размере убытка. § 62: Кража плуга, лемеха или хомута наказывалась штрафом в 12 фоллиев в день с того времени, как произошла кража.

¹⁶ Рабы определенно упомянуты как пастухи в § 71, 72; другие статьи, которые касаются рабов (§ 45—47), говорят о краже скота, следовательно, речь идет с большей степенью вероятности также о пастухах.

¹⁷ § 33, 34: потеря платы и побию.

¹⁸ § 33. В § 61 кража винограда и инжира, если речь идет о хищении на пропитание (βρώσιως ἐνεχεν), а не о κλοπή (с целью продажи?), остается безнаказанной; правда, здесь не упомянут пастух, как и в § 69 относительно кражи винограда и в § 35, 60, 68 относительно кражи зерна. Для характеристики социального положения широких слоев в деревне эти статьи довольно выразительны. (Так же